

Юрий Курик
Золото для дураков

Сатирический роман

Юрий Яковлевич Курик

Золото для дураков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11831625

ISBN 978-5-4474-2377-3

Аннотация

Царствование Екатерины Великой началось с государственной аферы. На протяжении 100 лет высшие чины России ревностно оберегали тайну императрицы. Вирус золотой лихорадки поразил царствующих особ, шайку фальшивомонетчиков, учителя физкультуры и криминального авторитета. Жажда богатства толкает их на смертельный риск...

Содержание

Книга первая	5
Предыстория	5
Глава первая	32
Глава вторая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Золото для дураков

Сатирический роман

Юрий Курик

© Юрий Курик, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Книга первая

Предыстория

По привычке она встала в шесть утра. Надела гладеуровый капот и на голову краповый чепец. Не спеша растопила камин. Умылась рассолом квашенной капусты и натёрла щёки кусочками льда.

Крутящиеся под ногами английские левретки, выпрашивали чего-нибудь вкусенького. Пришлось утихомирить их песочным печеньем.

За окнами спальни стоял сумрак. Свет от горящего камина не справлялся с остатками ночи. Женщина взяла карельскую масляную лампу, заправленную ароматизированным растительным маслом, и подошла к зеркалу-псише.

В венецианском стекле работы Кельберга, отразилась весьма привлекательная тридцатитрёхлетняя женщина. Дама, внимательно всматривалась в своё зеркальное «Я» и хотела продолжить утренний туалет, но неожиданно её рука замерла на полпути к пудренице. Она задумалась, глядя себе в глаза, и начала, помимо собственной воли, погружаться в волну воспоминаний...

Как ей хотелось любить и быть любимой!

Всё складывалось весьма удачно. С женихом, Петрушей, они нашли общий язык и взаимопонимание. Свекровь, Елизавета Петровна, радовалась за молодёжь и поощряла старание будущей невестки в учёбе. Ради семейного счастья она сменила вероисповедание. После венчания с Петром Катюша от счастья витала на седьмом небе, но судьба с двух рук показала ей сразу четыре фиги.

Вам когда-либо муж изменял?

Не чужой муж с вами, а ваш супруг с другой мымрой?

Понятное дело, если после 10–15 лет семейных битв и потрясений случилась лёгкая измена без последствий, то она только сильнее запутывает брачные узы.

Тем более всякий нормальный муж свои походы «налево» тщательно маскирует срочными государственными делами. Если Вы нечаянно наткнулись в месте совершения адюльтера на мужа, то не рвите себе нервы и не порите горячки!

Супруг смотрит на Вас честными глазами невинного ребёнка и клянётся здоровьем тёщи, мол, он находился в глубокой коме! Эту нехорошую женщину он видит впервые! Она грубо нарушила его права порядочного человека, верного мужа. Воспользовалась коварно беспомощным состоянием потерпевшего и нахально изнасиловала его...

С натяжками, некоторыми допущениями и оговорками версию нечаянного падения мужа в чужую кровать, можно принять за несчастный случай по личной неосторожности.

Постараться пережить эту неприятность, как бытовую травму и с легким сердцем двигаться дальше к золотому юбилею семейной жизни.

Согласитесь, совершенно другое дело, если муж изменяет молодой жене через две недели после бракосочетания.

Муж едва успел встать с супружеского ложа и уже волочит за этой девицей Карр. Прилюдно восхищается ею и попутно злословит о законной жене.

Вас такой расклад устраивает?

Я понимаю. Вопрос ужасно глупый.

После подлой измены вы впадаете в глубокий транс и ускоренно начинаете выращивать собственные комплексы неполноценности.

А, как же иначе? Две недели назад Вы устраивали будущего мужа по всем параметрам до такой степени, что он перед Богом и людьми назвал Вас законной женой, а на второй неделе брака цинично плюнул в душу и грубо растоптал Ваши к нему чувства!

Поневоле, против здравого смысла, Вы начинаете внимательно изучать своё отражение в зеркале в поисках скрытых дефектов. И что видите? Глаза на месте и, что характерно, оба одинакового цвета. Не косят – ни вправо, ни влево. Нос, конечно, не «пипочка», но и не ручка от топора. Ушки не на макушке, а как положено, на месте рождения – по бокам умной головки. Зубки ровные, губки алые, ресницы длинные и густые. Ни верста коломенская, ни карлик – рост скорее

средний. Ни хромоты, ни горба, как не вглядывайся, не видно. Парни, особенно гвардейцы, хвалят, а его, видите ли, не устраивает....

...Молодая двухнедельная жена София Августа Фредерика фон Анхальт-Цербестская, крещённая Екатериной Алексеевной, растерянно смотрела из зазеркалья венецианского стекла на себя нынешнюю – тридцатитрёхлетнюю императрицу России Екатерину II.

Робкой Фредерика с детства не была. Она наравне с мальчишками озорничала и проказила. Бывало, получала и раздавала тумаки. В учёбе всегда преуспевала среди сверстников. Мечтала, как все, о многом и призрачном, но в своих полётах фантазии не допускала мысли, что сумеет захватить власть и стать императрицей огромной загадочной страны России.

Путь на вершину власти в любом государстве усеян шипами непредсказуемости, капканами предательства, ловчими ямами двурушничества.

В России тоже самое, но ещё обильно унавожено тотальной безграмотностью, невежеством и пьянством.

Заброшенная супругом Екатерина, с завидным упорством принялась за изучение русского языка, философии, математики, географии, истории, православия. Читает Вольтера, Тацита, Бейля, Монтескье.

Муж Пётр, окончательно вышел из рамок приличия – пре-

дался пьянству и разврату. Путался и пил со всеми, кто под руку попадёт. Об его любовнице Лизке Воронцовой лакеи дворца сплетничали: «Трактирная служанка самого низкого разбора».

Действительно, широкорожая, со следами оспы на лице оливкового цвета, хромая на правую ногу, горбатенькая, визгливая до звона в ушах. Она могла вызвать сочувствие только у пьяного в хламиду подмастерья золотаря.

У любви свои стёжки-дорожки и на выдумку она зла. Можно полюбить и козла. Или козлицу. Это кому, как повезёт.

Не пьяный подзаборник втрескался по уши в титулованную уродину Воронцову, а Император всея Руси, Самодержец Пётр III валялся у неё в ногах и уговаривал стать Императрицей.

А что делать с законной женой, Екатериной Алексеевной? Как что? Неужели все места в Шлиссельбургской крепости заняты?

Пётр III своим царственным, но ущербным умом, наделал массу благоглупостей. Его пребывание на российском престоле стало в тягость всем: и дворянству, и духовенству, и купечеству, а самое главное – военным.

Оканчивать свою жизнь ни в крепостных казематах, ни в монастырских кельях Екатерина Алексеевна не планировала. После фактического разрыва отношений с Петром, она

решила для себя: «Я буду царствовать или погибну!»

Сохраняя ровные, дружелюбные отношения с окружающими Екатерина с помощью близких лиц готовилась к захвату власти.

В своё время, по протекже графа Разумовского, учителем российской словесности Екатерине назначили Василия Евдокимовича Ададунова. Русский учёный, математик, филолог, педагог от бога, он превратился в доверенного человека Екатерины.

Сам граф Разумовский, видя, что Пётр решительно взял курс политических перемен на Пруссию, решительно поддержал амбиции Екатерины Алексеевны на престол.

С 1756 года Екатерина вынашивала планы по свержению Петра. С этой целью она просила деньги на займы, подарки своим сторонникам у французов и английского короля. Последний выделил Екатерине 10000 фунтов стерлингов. На подкуп нужных людей.

Горячих приверженцев Екатерина нашла через своего любовника Григория Орлова и его братьев.

Братья – гвардейцы, без сомнения, храбрецы, кутилы и бретёры пользовались уважением и влиянием в офицерских столичных кругах. Они с успехом вербовали сторонников Екатерине среди военных, крайне недовольных пропрусской политикой Петра III.

В мае 1762 года Пётр III объявил Екатерине о своем решении просить у высшего духовенства православной церкви

разрешения на развод.

К середине июня иностранные послы доносят своим правителям о мрачных перспективах судьбы супруги Петра III (известного за границей, как Карл Пётр Ульрих Гольштейн Готторпский). Екатерина Алексеевна, скорее всего, в ближайшее время будет арестована и заточена властью императора в крепость.

Слухи, основанные на высказываниях самого Петра, либо его приближённых, становились всё мрачнее.

Екатерина обладала роскошным умом, великолепной интуицией и армией добровольных доносчиков. Она говорила: «Управлять – значит предвидеть».

26 июня 1762 года Екатерина, под предлогом покупки украшений, занимает у английского купца Фелагена деньги. Орлов на них покупает «море» водки, и начинает усиленно спаивать столичный гарнизон.

Екатерина Алексеевна деятельно готовила свержение мужа с престола. Самодержец продолжал бранничать в своём Ораниенбауме. Говорил при этом глупости, которые ему подсказывала задница.

Бедный Петруша, зря не изучал страну, которой решил поуправлять. Россия – это не гретхен в прусском мундире. Её аршином не измерить и с кондачка в постель не уложить. Не знал Карл Петер Ульрих русской приметы: шило в жопе причина черепно-мозговых травм со смертельным исходом. Когда он понял простую истину, что за царский базар тоже

отвечать нужно, было уже поздно. Пора отправляться в страну вечных снов.

В день святых первоапостолов Петра и Павла 28 июня 1762 года гвардейцы Семёновского, Измайловского, Преображенского полков, поддержанные дворянами и жителями столицы, возвели Екатерину на престол России и нарекли её императрицей.

Переворот и захват власти прошёл быстро, лихо и без крови.

Смерть Петра III относить к жертвам переворота даже неудобно. Ему по отречению от престола предписали жить в Ропше под присмотром гвардейцев.

Карл Петер Ульрих, насквозь западный нежный организм, самонадеянно решил пображничать с гвардейцами. На халаву думал и уксус шампанское! Гвардейцы, вообще, после первого литра на нос только начинают рейнвенским водку запивать.

168-дневное царствование окончательно подорвало силы Петра. Он не выдержал алкогольного забега с собственной охраной и сгорел на работе. Жил дурно, правил скверно, умер незаметно...

...Екатерина II тряхнула головой, прогоняя воспоминания.

Глянула придирчивым взглядом голубых глаз на себя. Лёгкими движениями нанесла на лицо едва заметный слой

итальянской пудры. Придирчиво оценила работу. Довольная осмотром, позвонила в колокольчик. Мелодичный звук вальдгеймского звона ещё не затих, как в спальню впрорхнула дежурная фрейлин – графиня Анна Степановна Протасова.

– Что угодно, Ваше императорское величество?

Екатерина Алексеевна нахмурила брови и недовольно буркнула:

– Анна Степановна, не чинись! Чай не на балу!

В знак согласия графиня Протасова, доверенная фрейлин императрицы, присела в глубоком поклоне с подобающим наклоном головы.

– Анна Степановна, – продолжала Екатерина. – Кто сегодня на дежурстве камер-юнгфер?

– Екатерина Ивановна Шаргородская.

– Чудесно. Пришли её. Буду одеваться.

– Не рано ли, Ваше высочество? Семь только-только доходит...

– У меня спозаранку доверительная аудиенция со статс-секретарём Адам Васильевичем Олсуфьевым и Василием Евдокимовичем Ададуновым.

– Так Ададунов-то в ссылке.

Екатерина усмехнулась.

– Вспомнила баба, как девкой была. Он третьего дня в столицу приехал по моему указу.

Анна Степановна понимающе кивнула головой, а Екатерина продолжала:

– Завтрак подай на троих в кабинет. Кофе, как обычно, фунт на 5 чашек, телятина отварная с квашеной капустой, смородиновое желе и рейнвейна графин.

Екатерина замолчала. Анна Степановна насторожилась.

– Что ещё?

– Сама лично проследи, чтобы около кабинета никто.... Понимаешь меня? Никто – ни слуги, ни дворня, ни гости, ни ходатаи.... Никто не шнырял, не подслушивал. Ты меня поняла?

– Поняла, Екатерина Алексеевна. Неужто я совсем глупая. Беседы с графом Олсуфьевым заведомо секретные. Проследжу лично, будьте покойны.

После паузы добавила:

– Шаргородскую-то сразу прислать?

– Конечно.

Первым без четверти восемь прибыл Василий Евдокимович Ададуrow. В 1758 году он был арестован вместе с приверженцами А. П. Бестужева-Рюмина по подозрению в государственном перевороте. Переписку между ним и Екатериной удалось уничтожить. Следствие не доказало причастность к заговору ни Ададуrowа ни самой Екатерины. Тем не менее, Василий Евдокимович до апреля 1759 года находился под домашним арестом. Позднее его отправили в ссылку

помощником губернатора в Оренбурге.

Екатерина отчаянно нуждалась в умных и верных помощниках.

Гвардейцы хороши при захвате власти. Для управления огромной страной их военных мозгов, опалённых порохом и раненых водкой, явно не хватало.

Сразу по восшествию на престол, Екатерина вернула из ссылки нужных ей людей. В их числе значился и учитель русской словесности 16-и летней Екатерины, автор первой русской грамматики, математик, филолог, будущий куратор Московского университета, президент московского отделения Мануфактур-коллегии В. Е. Ададунов.

Со времени ссылки это была их первая встреча.

– Василий Евдокимович, обиды на меня не держишь?

– За что? – удивился Ададунов.

– Что беду не смогла отвести.... За ссылку...

– Екатерина Алексеевна, в то время это было выше Ваших сил. Спасибо, что не забыли старика в степях Оренбурга. Вернули в столицу, дали возможность Вас лицезреть в могуществе на вершине славы и власти.

– Ах, Василий Евдокимович! Сесть на престол оказалось проще, чем мы думали и гадали. Вот удержаться на нём задачка. Ох, непростая!

– Претенденты появились?

– Не без этого. Поручить страной каждый желает. Кое-кто уж второй раз из сидельца крепости царя всероссийского со-

творить пытается, и мне корону лопатой поправить желают.

– Кто же смельчаком сказался?

– Поручик один из крепостной стражи склонил на свою сторону часть охранников, и предприняли попытку освободить Ивана.

– Господи! Эдак и мятеж случиться мог!

– Конечно, мог, но не получился. Стража, по полученной инструкции по возникновению малейшей возможности незаконного освобождения узника или его побега, должна принять решительные меры по пресечению оных обстоятельств.

– Это как?

– Василий Евдокимович! Вы, право слово, совсем одичали в своём Оренбурге.

– Есть такое, Ваше Высочество! Края дикие и от больших дел далёкие! Так что с узником-то стало? Его в другой раз снова, как знамя поднимут?!

– Не поднимут. Закололи Ивана при попытке его освобождения бдительные стражники.

Своего отношения к убиенному Ивану Ададуrow высказать не успел. В кабинет вошёл граф Олсуфьев. Сначала подошёл к руке Екатерины II и только потом сердечно поприветствовал Ададуrowa.

Екатерина позвонила в колокольчик.

Графиня Анна Степановна мгновенно вошла в кабинет, неся на руках серебряный поднос с ароматным кофеем, раз-

варной телятиной с квашеной капустой и золотыми розетками, наполненными вареньем, желе, цукатами....

В центре подноса красовался графинчик богемского стекла с рейнвейном в окружении трёх стаканчиков червонного золота.

– Господа! Прошу Вас разделить со мной утреннюю девичью трапезу и заботы о благополучии государства российского.

В доме царствующих особ отнекиваться не принято.

Кофей был крепким, телятина духмяная, рейнвейн душист. Обыкновенная светская беседа не клеилась.

Наконец Екатерина начала разговор по существу:

– Адам Васильевич, до Вашего прихода я начала объяснять Василию Евдокимовичу трудности управления государством. Эйфория победы по случаю вступления на престол улетучилась. Из реалий жизни вытекают задачи государыни, то есть мои обязанности перед народом российским...

Ададуров и Олсуфьев знали Екатерину давно. Любили её и благоволили к движениям души молодой императрицы. Внимательно вслушивались в разумные слова, несмотря на общеизвестность приводимых ею примеров.

Екатерина размеренным, тихим, твёрдым голосом продолжала:

– ... народы наши пребывают в невежестве, нищете и

пьянстве. Даже дворяне каждый восьмой из сотни безграмотный, и только десятый понимает лишь начальную грамоту и может поставить под документом свою подпись, а не крестик. От этого в государстве не приживаются и не развиваются мануфактуры. Стыдно сказать, господа, на дворе 18 век, а у нас на всю огромную страну шесть сотен предприятий. Мы не можем обеспечить ни армию, ни флот сукном собственной выделки. Вынуждены покупать иноземную ткань. Господа, оглянитесь! Любой готовый товар нам везут из Парижа, либо из Германии, либо из Голландии. Даже золото нам продают китайцы. Свой готовый товар качеством плох и видом неказист. Вот и продолжаем торговать с иноземцами, как Пётр I, пенькой да смолой. А как продадим всё сырьё, чем далее займёмся? Что делать будем? Коровам хвосты крутить, навозом торговать и зубы на полке считать?

Вопрос государыни повис в воздухе.

Ни Адауров, даром, что математик и человек учёный, ни Олсуфьев – мастер первой руки в денежных делах, – не знали, какова судьба России, если у неё в один чёрный понедельник окончится всё сырьё. Встали утром, и нет сырья – ни пуда, ни полпуда, ни литра, ни ста граммов, ни кубометра, ни дециметра. Нечем торговать, нечего делить, нечего воровать. Одним словом, коллапс, амбец, последний день Помпеи в отдельно взятом государстве.

Екатерина не стала ждать ответа на поставленный вопрос и продолжила:

– ... нужно просвещать наши народы и вытаскивать их из тьмы невежества и пьянства. Открывать в губернских уездных городах государевы всеобщие школы, училища и мануфактуры. Производить в оных достаточно грамотных людей, чтобы у каждого дела можно было поставить российского человека, а не француза или немца, как сейчас...

Ададуров довольно улыбался, слушая речь своей ученицы. Не удержался от нарушения этикета и прервал её вопросом:

– Екатерина Алексеевна, а как быть с женским образованием?

– Василий Евдокимов, вы помните наши разговоры во времена оные?

Ададуров кивнул головой в знак согласия.

– Я, по сию пору, – продолжала Екатерина. – Почитаю женщину за основу семьи. Она, мать и жена, даёт своим детям воспитание и наказ жизненный. Как женщины воспитают своих отроковиц и отроков, таким и будет государство. Нам нужны люди с новыми убеждениями, свежими мыслями и обновлённым бытом. Таких людей может воспитать только грамотная, образованная мать. Потому, решила я открыть два женских института. Смольный для благородных и Новодевичий для мещанских девиц.

Ададуров не сдержал эмоций и захлопал в ладоши, в знак одобрения, а граф Олсуфьев нахмурил брови.

Екатерина подняла руку, призывая Василия Евдокимовича к воздержанности.

– Помышляю, – продолжала императрица. – Открыть в Москве и Петербурге воспитательные дома для сирот, в коих им окажут призрение и научат ремеслу. А, так же, приюты, больницы для душевнобольных и излечения сифилиса.

Чем больше рассказывала Екатерина прожектов своего царствования, тем сильнее радовался Ададуров и хмурился граф Олсуфьев.

Воодушевлённая вниманием собеседников, Екатерина продолжала:

– ... исправлять старые ошибки правления на новые нам негоже. Народы наши должны проживать в довольстве, спокойствии, и всеми силами души и тела способствовать процветанию страны. В государстве нужно завести добрый порядок и заставить общество соблюдать законы. Суды должны судить не по чинам, а по чести и справедливости. У нас пока прав тот, у кого больше чин и толще кошель. Доколь такой разврат в правосудии продолжаться будет?

Господа Ададуров с Олсуфьевым, конечно, знали о специфике российских судов, но, как долго продлится насильственный роман сильных мира сего с законами страны, они не ведали.

– ... для розыска лихих людишек, надзору за обществом учредить хорошую и точную полицию. Брать для службы в ней толковых, здоровых офицеров и нижних чинов из армии сухопутной и флота. Калек, болезных из полиции уволить с пенсионом. Отрядить в Германию, аль во Францию толковых граждан для обучения полицейскому делу, армейскому строю, железоделанию и другим полезным ремёслам для расцвета государства...

Кофей давно остыл, телятина едва тронута, графинчик с рейнвенским остался в девственной неприкосновенности.

Императрица встала, подошла к окну.

– Господа! Взгляните на эту мизансцену.

Ададуров с Олсуфьевым не замедлились и подошли к окну. Увидели, как дворцовый истопник тащит на спине огромную вязанку дров.

– Смотрите, господа! Истопник ворует у меня дрова и не боится быть пойманным!

Мужчины с недоумением посмотрели друг на друга, а Екатерина продолжила:

– Если бы в России воровали только истопники! Так нет же, без страха быть пойманным, воруют из казны все, кто с руками и при государственной должности. И тащат не вязанками дров, а тысячами и сотнями тысяч рублей. Растаскивание собственной страны по кошелькам долго ещё продолжаться будет?

Вопрос повис в воздухе, и будет висеть ещё 250 лет, и будут воровать из казны миллиарды, и будут безнаказанны те казнокрады.... Неужели воровство наша национальная особенность?

– ... и последнее, господа! – Продолжила Екатерина. – Необходимо сделать государство – нашу Россию, грозной, внушающей уважение всем иноземным соседям. Для сей цели учредить надобно сильную армию и могучий флот. Армейские полки надобно увеличить в числе и снабдить их фуражом, провиантом, оружием по полной форме. Число кораблей с экипажами увеличить...

Граф Олсуфьев, едва услышав о намерении императрицы увеличить военную мощь России, скукожился лицом. Екатерина мгновенно это отметила

– Что граф кривишься?

Олсуфьев помедлил с ответом, но потом бухнул, как в лужу упал:

– Государыня, Вам по этикету ответить, аль по правде?

– По правде, конечно! Кривду-то я и без тебя каждый день слышу.

– Ваши прожекты, государыня, чудо, как хороши. Вон Ададуров от радости все ладошки себе отхлестал. Только под них уйму деньжищ надобно иметь. А, где их взять-то? Казна, матушка, пуста.

– Знаю, Адам Васильевич. Сама распорядилась раздать

тем, кто помог мне взойти на престол, больше 800 тысяч рублей, не считая земли, чинов и должностей. Долги, тем более царские, должно отдавать и сторицей, чтобы в следующий раз помощь была. По другому в нашем царском деле нельзя – мигом взашей вытолкают, и спасибо, если живу, останешься.

– Всё это так, но где денег-то взять? Армии третий месяц жалования не плачены, торговля в упадке, военное ведомство в долгах, флот в великом пренебрежении, внешний долг образовался...

– Ведома мне крайняя нужда в финансах. Без больших денег, всё, что я вам наговорила, почнёт в бозе благих намерений. Если не расплатиться со своей армией, то придётся кормить чужую. Посему удумала сократить число дармоедов, живущих за государственный счёт.

– Неужели, Екатерина Алексеевна, чиновников число сократить решили? – воскликнул Ададуров, пострадавший от произвола столичных крючкотворов.

– Чиновников, Василий Евдокимович, надобно проверить на полезность делу и знание предмета. Бестолковых чинуш убрать, а число деловых особливо знающих иноземные языки, требуется увеличить. От этого только польза государству получится. Я же говорю о монастырях, кои за счёт казны живут. Их число хочу сократить на 500–600, а деньги от сей экономии направить на народное образование и лечение от душевных и срамных болезней.

– Хватит ли? – усомнился граф. – Половину, как водится,

уворуют...

– Вороваяк казны хватать без пощады! Лишать всего имущества и в Нерчинск на рудники пожизненно!

...Заметим, у императрицы мысли родились благие, праведные и правильные. Но по сию просвещённую пору, скрадёт мужик на похмелку бутылку казённой водки – он ещё опохмелиться не успел, а ему наш самый гуманный и справедливый суд в мире уже приговор читает: «Три года Магаданских лагерей». Другой упрёт народных денег на миллиарды, ему сразу же суровый приговор – многолетний домашний арест с последующей амнистией, по вновь открывшимся обстоятельствам дела, а про миллиарды все забыли. Лежат они не там, где вы их ищете, и не у тех, о ком думаете...

– По монастырям понятно. Лишить 500–600 обителей денег из казны можно быстро – авось проживут божьим промыслом.

Граф Олсуфьев поднёс указательный палец к переносице и энергично потёр её:

– Вопрос вопросов: – где добыть деньги на военное ведомство?

В кабинете воцарилось напряжённое молчание. Слышно, как в камине потрескивали дрова.

Екатерина вновь подошла к окну и прижала, в задумчивости, лоб к холодному стеклу.

Ададуров, не понимал в финансах и рассеянно кормил кусочками холодной телятины английских левреток.

Граф Олсуфьев стучал пальцами по подлокотнику резного кресла.

Молчание затягивалось и становилось неприличным.

– Вот именно за этим я вас и пригласила. – Начала Екатерина тихим голосом. – Где взять деньги, и много денег, чтобы хватило на все наши помыслы. Иначе моё воцарение и гроша ломанного не стоит. Оказывается, тяжелее всего в жизни нести пустой кошелёк и считать деньги в чужих карманах!

Утренняя аудиенция плавно, без антрактов, перетекла в дневное секретное совещание. Без преувеличения на нём решалась судьба России. Все встречи с императрицей были отменены. Доверенная фрейлин Екатерины II графиня Анна Степановна Протасова ещё трижды меняла сервировку стола в кабинете. Поиск финансов для страны пока результатов не дал.

Ададуров оставался в стороне от разговора о деньгах. Видя безрезультатность спора графа с императрицей, решил высказать своё мнение:

– Господа! Скажу, как учёный, если вы попали в тупик, то отчаиваться не нужно. Посмотрите на тупик, как на начало нового пути. В нашем случае – нет денег, и это условие задачи. Внутри страны найти их мы не можем, так как,

в таком количестве денег никто не терял. У иноземцев занять, может быть с трудом, удастся. Однако, внешний долг, это петля для наших детей и внуков. Не хочется, чтобы они проклинали наши могилы. На лицо, моральный тупик, куда нас загнала проза жизни. Выхода, на первый взгляд, нет даже теоретически. У нас нет волшебной палочки, чтобы по её взмаху наши народы заработали с завтрашнего дня лучше, быстрее и товар давали на зависть иноземцам! Мы принуждены планидами небес жить там, где живём, и работать так, как работаем, но хочется лучшего. За это «лучшее» нужно не только работать от зари до зари, но ещё и платить. Как выяснилось, платить-то нечем! На весах госпожи Клио, как я понял, на одной чаше много денег и шанс России сделать рывок в сторону цивилизных стран. А на другой чаше – дальнейшее погружение в пучину невежества, воровства и пьянства.

Граф Олсуфьев поднял голову.

– Если коротко говорить, то абсолютно верно. Либо Россия встанет с колен и Екатерина Алексеевна, наша императрица, продолжит славный путь реформ Петра Великого, либо страна скатится в окончательную азиатчину.

– Благодарствую. Понял. А скажите, граф, вы чудесно понимаете предмет финансов, а какие иноземные деньги вы хотели бы иметь лично для себя?

– Нидерландские дукаты. – Не задумываясь, ответил Олсуфьев.

– Отчего так?

– Наипервейшие деньги в мире. Повсюду в почёте и в расчёте. Нидерландский дукат, он и в Африке дукат.

– Превосходно. Значит, существует монета, которая нам нужна.

– Да, она нам нужна! – перебил Ададунова граф. – И в большом числе. Беда в одном – у нас нет казны, чтобы купить дукаты.

– А зачем покупать? – удивился Ададунов.

– Как зачем? – в свою очередь удивился Олсуфьев безграмотности учёного мужа. – Кто ж нам и, за какие грехи их бесплатно даст?

– Правильно, никто не даст. Деньги вызывают зависимость. Бесплатные деньги, тем более. Зависеть от кого-либо, последнее дело, а потому нужные нам дукаты будем чеканить сами.

У графа от удивления и наглости заявления учёного, парик съехал на правое ухо.

– Я либо не понял чего-то, либо ослышался.

– Всё ты понял – вмешалась Екатерина. – Не притворяйся, граф.

– Но.... Он, же предлагает чистой воды фальшивомонетчество. Это же преступление. За это расплавленный металл льют в глотку!

– Найди другой источник финансов. Или ты желаешь пустить Россию в раздрай? Или боишься, что расплавленные

дукаты тебе в глотку вольют?

Граф Олсуфьев понурил голову. Он не хотел быть фальшивомонетчиком, но он страстно желал благополучия Отчизне. Императрица России Екатерина II успокоила своего статс-секретаря:

– Адам Васильевич, решение чеканить дукаты тайно, мы принимаем коллегиально не для личного обогащения, а в интересах благополучия всех народов России. Запомни, коллективная ответственность, это безответственность каждого. Всей России залить в глотку расплавленный металл невозможно. Замучаются пыль глотать из-под сапог наших солдат.

Решение о тайной чеканке нидерландских (голландских) дукатов на Петербургском Монетном Дворе приняли с одобрения Екатерины II.

Приватный разговор в кабинете Екатерины, случившийся в 1762 году, имел далеко идущие последствия.

Статс-секретарь императрицы граф Олсуфьев через своих тайных порученцев разыскал молчаливого немецкого ювелира Иоганна Балтазара Гасса. Человеком он оказался весьма толковым и нужным, из разряда тех, кто нашёл – молчит, и потерял – молчит.

Ему поручили резать для Петербургского Монетного Двора «секретные штампы». Впоследствии, за ударную работу

и за умение держать язык за зубами, его официально назначили на должность медальера.

Так в российской казне появилась левая «неучтёнка» в виде нидерландских (голландских) дукатов, чеканенных в России из собственного золота.

Фальшивые дукаты направлялись для расчёта с иностранцами, выплаты жалования и оплаты провианта, фуража армии, находящейся за границами России, финансирование флота и дальних экспедиций.

Качество подделки не вызывало подозрений в течение 100 лет!

Первые фальшивые дукаты понадобились графу Алексею Орлову. Он платил ими агентам для организации мятежей против турок. Закупал на них оружие для повстанцев и ими оплачивал призовые греческим корсарам за захваченные корабли.

В 1769 году Екатерина II высылает А. Орлову с эскадрой русских кораблей 4000 фальшивых дукатов, а уже в следующем году более 50 000.

Всего за 100 лет фальшивых дукатов наштамповано в России в три раза больше, чем в самой Голландии.

Екатерина II сумела претворить в жизнь большинство проектов. Она за годы правления образовала 29 новых губерний, построила 144 города. Армия со 162 тысяч выросла до 312 тысяч человек. Флот с 21 линейного корабля и 6 фре-

гатов увеличилась до 67 линейных, 40 фрегатов и 300 гребных судов. Построены черноморские порты, число мануфактуры с 667 выросло до 1200 крупных предприятий, расходы на чиновников увеличились с 6,5 до 36,5 млн. рублей.

На содержание 11 любовников (естественно не все сразу!) Екатерина II затратила 92 млн. рублей.

Государственные доходы поднялись с 16 млн. рублей до 70 млн. рублей, внешняя торговля увеличилась в пять раз.

Повышенный спрос на золото породил золотопромышленников на Урале, Сибири и Алтае. Добыча золота в России измерялась уже не пудами, а тоннами в год.

Свита Екатерины II при переездах состояла из 28 человек. Передвигались в 63 экипажах. В обозе в 120 дубовых бочонках везли 600 000 серебром для раздачи сирым, бедным и поддержки «прожектов».

Золотыми дукатами Екатерины Великой успели попользоваться все последующие правители России.

Летом 1864 года глава российской миссии в Гааге барон Кнорринг получил от властей Нидерландского королевства очень плохое известие.... Члены российской императорской фамилии, путешествующие по Европе, замечены в распространении фальшивых голландских дукатов. К письму прилагался образец таковой монеты. Действительно, она была чуть-чуть меньше подлинной. После тщательного сравнения, видны различия в мелких деталях изображения и над-

писей.

В августе 1868 года посол Нидерландов в России вручил министру иностранных дел князю Александру Горчакову ноту протеста: «Правительству Нидерландов достоверно известно о чеканке дукатов на Санкт-Петербургском Монетном Дворе»

Отпираться бессмысленно. Начались бюрократические игры, мол, я не я и хата не моя. И, вообще-то, где-то было разрешение Вашего правительства, данное сто лет назад на чеканку дукатов. Показать его не можем. За давностью лет его толи мыши съели, толи моль почикала.

Однако дукаты чеканить прекратили. Дело заволоkitилось и потомками забылось.

Деньги – зло, на которое можно купить много добра.

Глава первая

Голос фрау Штольц гремел в коридоре за дверями дортуара, поднимая воспитанниц с тощих соломенных матрасов. Лексике и глубине обертонов воспитательницы легко мог позавидовать ветеран битвы народов при Аустерлице. Она на трёх языках – немецком, французском и русском – объясняла воспитанницам Смольного института благородных девиц:

– Дурынды! Негодницы! Дубины! Шлюхи! Твари! Колоды! Остолопки! Немедленно вставайте, иначе вас всех выдерут, как сидоровых коз!

Каждое зимнее утро фрау Штольц с большим трудом вытаскивала девочек из-под тощих одеял. Девочки мёрзли. От холода не спасали допотопные салоны, ни гарусные капоры. В шесть часов утра у воспитанниц играли общий подъём. Печи уже остыли и в дортуарах не выше 8 градусов.

Восьмая дочь обедневших дворян из Лифляндии Марина Бирюкова-Унгерт не стала дожидаться обращённых лично к ней, бодрящих дух и тело, слов фрау Штольц. Задержав дыхание, девушка выскользнула змейкой из кровати наружу. Сразу быстро побежала на месте, энергично работая руками. Эту маленькую хитрость, серьёзно облегчающую тяготы и лишения институтского быта, ей ещё в средних классах подсказала подруга – дочь погибшего на Кавказе полковника

драгунского полка – Маняша Маленькая.

«Маленькая» это не определение роста, а фамилия. Ростом Маняша выше среднего. Мать у неё умерла от родильной горячки. Отец, – отчаянный рубака, – тяжело переживал смерть красавицы жены и всё чаще заливал горе всем, что горит – от интеллигентного грога до демократичной чачи и спирта. Результат утопления горя в вине скоро сказался. Будучи под изрядным подпитием, brave полковник лично возглавил кавалерийский разъезд, и первым погиб, наравшись грудью на османскую пулю.

Воспитывала Маняшу до девяти лет престарелая тётка в глухомани Рязанской губернии. Светских манер среди деревенской детворы она не набралась. Зато, с молодых ногтей познала кучу бытовых мелочей, делающих каждый день подруг чуть легче, чем для их товарок по институту.

Обе девушки, Маняша и Марина, учились в Смольном на деньги гофмейстерины Екатерины Карловны Штакельберг. Капитал от продажи большого имения в Лифляндии она завещала для оплаты обучения неимущих смолян.

На нужды самих воспитанниц требовалось немного денег, что-то около 40 рублей в год на одну смолянку. Дороже в 5–6 раз обходилось содержание обслуги и охраны.

На 200 институток приходилось до 1000 человек обслуживающего персонала, включая преподавателей.

После умывания по пояс холодной водой, девушки шли на утреннюю молитву, после давали чай с булкой. На завтрак, кусок хлеба, едва помазанный маслом с сыром, и миска молочной каши или макарон. В обед, как обычно, жидкий супец без мяса, на второе – мясо из супа, на третье – маленький пирожок. На ужин – вечерний чай с булкой.

В постные дни, а они были два раза в неделю, на завтрак давали три картофелины с постным маслом, кашу-размазню, в обед суп с крупой, кусок отварной рыбы с малюсеньким пирожком.

После завтрака девицы шли в классные комнаты, где под руководством преподавателей, долбили детскими умами гранит наук ежедневно по 6–8 часов.

Ради справедливости, заметим, в Смольный институт благородных девиц попадали девушки в основном двух категорий. Первые не могли, в силу материальных трудностей, получить домашнего образования. Вторые, неспособные к учёбе либо по складу ума, либо по глупости и лени. Так что девицы, собранные под крышей Смольного, не отличались особыми талантами и горячим желанием стать людьми новой формации.

Преподаватели Смольного заслуживают отдельных строк. Как вы сами понимаете, из двух сотен воспитанниц, минимум как сотня девиц начинала осознавать себя особями жен-

ского пола. Им, в известную пору, страсть как хочется любви и ласки. Природа-с, господа! С ней не поспоришь. Сотня Джульетт, собранных в одном месте – страшная сила. Они жаждут каждая своего Ромео и, не дай Бог, если на их пути попадётся зазевавшийся молоденький, хорошенький учитель танцев или физкультуры. Впрочем, предмет преподавания не имеет ровно никакого значения.

Разогретые игрой собственного воображения и кипением гормонов, смолянки старших классов, лишённые мужского общества, могли порвать предмет обожания на сувениры. Мало того. Меж самими девушками родились бы конфликты, склоки, переходящие в драки с выдёргиванием волос и подбитием глаз.

Изоляция же смолянок в стенах института в течение многих лет формировало у них ложное представление о мире за оградой Смольного. Находились воспитанницы, искренне верящие, что кавалер после тура мазурки обязан на ней жениться.

Именно с благой целью – не вводить смолянок в искушение, мужчины преподаватели в институте были большой редкостью, и всегда старые, женатые, либо калеки и на наружность незавидные. Они вызывали у девушек либо чувство безразличия, либо сострадания, либо равнодушия.

Женщины воспитатели, классные дамы, преподавательницы, подбирались из числа одиноких, зрелых дам. Они разбивали розовые девичьи мечты вдребезги об требования ин-

ститутского быта. А сами тайно мечтали в ночи о грубых мужских руках.

Марина с Маняшей за годы обучения в парфетки¹ среди подруг не выбились, но и в мовешки² не попали. Были се-рединка на половинку. Предметы: арифметику, физику, историю, французский язык, словесность, принимали своими провинциальными головками не с радостью, а с необходимой степенью ответственности, чтобы не злить лишний раз воспитательницу фрау Штольц. К тому же девчонки рано поняли, – хорошо выполненный реверанс, ценится более успехов в математике, а за хорошие манеры прощались неудачи в физике.

Пепиньеркой³ ни Марина, ни Маняша становиться не собирались. Усердствовать перед фрау Штольц или даже перед начальницей института Юлией Фёдоровной Альдерберг не было нужды.

Подруги отличались от других смолянок отсутствием у них предметов обожания, к которым были бы обращены девичьи сердца. Все воспитанниц своим «обаяшкам» посвящали стихи, вязали шарфики, вышивали платки, а ни Марина, ни Маняша не прильнули, ни к чьёму плечу. Не потому, что были бедны душой или плохи лицом. Совсем, наоборот. В смысле наружности обе девушки почитались среди подруг

¹ парфетка-от фр. «совершенный»

² мовешка – от фр. «дурная»

³ папиньерка-выпускница, оставшаяся для обучения на классную даму

за первых красавиц. Обе одинакового роста с тяжёлыми ко-
сами, длиной до места, где ноги теряют своё приличное на-
звание. Волосом, правда, разного колера. Марина цвета во-
ронова крыла при огромных голубых глазах, а Маняша, цве-
та спелой пшеницы при озорных глазах цвета весеннего ва-
силька. Обе стройные, спинки ровные, походка лёгкая, как
тополиный пух на ветру. Обличьем девушки обращали на
себя внимание. Черноволосую Марину Бог наградил кожей
белой и нежной, как яблоневый цвет. По пустякам на её ще-
ках расцветал утренней зорькой румянец, не раз заставляю-
щий фрау Штольц устыдиться собственных слов. Девчонки
после хихикали по углам:

– Ах! Чистой воды комильфо! Фрау Штольц лается, а Би-
рюкова краснеет!

Маняша смугленькая. Разрез глаз с лёгкой татаринкой.
Спинка носа прямая, с едва заметной горбинкой. Тонкие
трепетные ноздри, маленький не волевой подбородок, на-
вевали мысль о незапланированной встрече без галстуков
какой-нибудь из прабабок Маняши, с проезжающим мимо
мурзой. Встреча, судя по Маняше, прошла плодотворно. Чи-
сто восточной красавицы из неё не получилось. Видимо,
мурза торопился, но некоторый восточный шарм в образе
Маняши, навевал на дочь полковника флер загадочности и
сладкой недосказанности.

Мечты подруг не отличались оригинальностью. Все стар-
шие смолянки практиковались в преподавании у малышей.

Они прочно забыли, какими вредными, несносными, плаксами и ссуньями были сами в этом нежном возрасте в отрыве от маменьки с папенькой.

Полный контакт с орущей-писающей оравой девятилетних девочек, изолированных от семей, был первой встречей будущих выпускниц с прозой жизни.

«Дети, это хорошо». – Решили после практики большинство будущих образованных жён России. – «Но в чужих руках и на расстоянии».

Все они мечтали стать фрейлинами при дворе и выбрать себе партию из приближённых к царствующим особам блестящих офицеров.

Вакансий фрейлин мало, ещё меньше число неженатых блестящих офицеров. Воспитанницы Смольного, может быть, и догадывались об этом, но предпочитали не задумываться: «Авось, мне-то уж точно повезет!»

Действительно, некоторым девушкам везло. Даже весьма страшненьким, но единственным наследницам родительских капиталов

Странно, господа, не правда ли?

Как быть с духовным богатством при тощем кошельке?

Кому нужна умница, у которой в приданом только «Пифагоровы штаны, которые во все стороны равны?»

Вопрос на все времена и не простой.

Допустим, судьба улыбнулась вам в тридцать два зуба, и

вы женились на красавице, умнице, авторше теории «Нелинейности пси-фактора слябинга тяжёлых структур при варибельности нейтронных атак».

И что?

Да ничего!

Вы поинтересуйтесь у пожилых мужчин, обладателей первых красавиц, где они похоронили семейное счастье?

Через 365 дней и ночей непрерывного созерцания неземной красоты жены, глаз счастливого мужа замыливается. Образ супруги на фоне новых импортных обоев тускнеет. Ещё через год супруг, вообще, не отличает свою блестящую половину от финской мебели. От умных разговоров хочется кислых щей или крупножопую продавщицу из киоска напротив.

Строить из себя Отелло надоело и материалов не хватает. Придушить руки не доходят и срок тянуть, времени нет. Приходится ждать, пока её величественные груди из гордости тела перерастут в обузу до пупа, а персик лица обретёт статус чернослива.

Годы ушли. Счастье уже в вовремя полученной пенсии и в каждом прожитом дне.

Ваш бывший друг, у которого вы отбили красавицу-невесту, с отчаяния и горя не пустил себе пулю в висок, а женился на скорую руку на первой попавшейся.

Оказалась деревенская дурнушка с телом гриба-боровика. Умом не блистала, телом мужских взглядов не притягивала, но хозяйство блюла, мужа чтילה, детей любила.

У друга тоже глаз замылился. Он тоже не отличал, через пару-тройку лет семейной жизни, жену от интерьера, но нервы себе сохранил.

Спрашивается, если через несколько лет семейной прозы, грань между красавицей и дурнушкой стирается, то зачем жениться на красивых и переплачивать судьбе своими нервами?

Девушки, чинно парами спускались по лестнице в столовую. Марина шла, держась за руку Маняши, и вдруг услышала за спиной шёпот:

– Гурвич, скажи, что происходит между мужчиной и женщиной?

Марина оглянулась. За ними шли Гурвич с Садловской. Спрашивала Садловская.

– Не знаю.... – тихо прошептала Гурвич.

– А откуда дети берутся? – не унималась Садловская.

– Мы этого ещё не проходили...

Марина с Маняшей не удержались, и уже, захихикали, но тут, же захлопнули рты ладошками. Маняша, со своим деревенским опытом жизни, как «Отче наш» знал с раннего детства, откуда берутся дети, щенки, котята, поросята. Для этого у мужчин кошачьей породы-котяр, у мужчин собачьей породы-кобелей, у мужчин свинячьей породы-хряков, и, во-

обще, у всех мужчин, есть специальный отросток. Через него махонькие-махонькие котики, поросятки, щеночки и детки попадают в животики кошке, свинье, собачке и к дамам, где живут, пока не повзрослеют.

Делиться развратными знаниями о происхождении детей и взаимоотношениях полов с Гурвич и Садловской, подруги не стали бы, ни за какие коврижки или угрозы. Эти знания в среде смолянок слыли крайне постыдными, позорящими звание девушки и институтки.

Отвлёкшись на шёпот Садловской, Марина неловко поставила ногу на следующую ступеньку на повороте лестницы. Стопа соскользнула с гранитного ребра и подвернулась. Марина ойкнула и присела. В спину ей нечаянно врезалась Садловская. Маняша пыталась изо всех сил удержать подругу, но рука выскользнула. Марина кубарем пролетела по гранитным ступеням весь пролёт и грохнулась у дверей столовой.

Маняша пулей слетела вниз и нагнулась над подругой, лежащей без движения. Похлопала её по щекам. Марина открыла ничего не понимающие глаза.

– Где я?

– Ты оступилась и слетела вниз с лестницы.

– Ну, да.... Конечно..., вспомнила....

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо.... Только кровавые точки мелькают перед гла-

зами.

– И всё? Где-нибудь болит?

– Нет, не чувствую никакой боли.

– Тогда вставай и пошли в столовую на ужин.

Кушать не хотелось. Чтобы не подводить подруг, Марина отпила немного чаю и съела половину булочки.

В девять часов вечера колокол известил об отбое. Марина улеглась спать и тотчас уснула. Ночью проснулась от боли в груди и лихорадки. Тихим шёпотом разбудила Маняшу. Подруга пощупала рукой разгорячённый лоб и укрыла Марину салопом, в надежде, как-нибудь оправдаться утром перед фрау Штольц.

Утром, когда девочки уже встали, Марина продолжала лежать. Встревоженная Маняша гладила подругу по голове.

– Вставай, милая.

– Не могу.... Голова кружится.... Руки, ноги не шевелятся....

Подошли другие воспитанницы и стали помогать вставать Марине. Они охали и ахали, указывая на шею и грудь Марины. Они у неё распухли и покрылись кровоподтёками. Девочки толковали между собой по этому поводу и единогласно пришли к мысли, что при таком расположении дел немислимо, просто move on идти к доктору в лазарет. Доктор мужчина, и обнажить перед ним грудь, значит опозорить не только себя, но и весь выпускной класс. Это обстоятельство, рассуждали они, должно заставить каждую порядочную девуш-

ку скорее вынести всевозможные мучения, чем идти в лазарет...

На следующий день Марина после бессонной ночи встала с постели с ещё большей опухолью на шее и груди, и двигалась с трудом. Все решили, это потому произошло, что накануне Марина практически ничего не кушала. После обеда в классе Марину начало тошнить. Маняша и ещё две девочки насилу вытащили её в коридор к крану с водой, где можно было скрыть последствия. Шея у Марины посинела, а грудь разбухла ещё больше. Маняша обливала её несчастную, горящую жаром, голову холодной водой и приговаривала:

– Миленькая, родненькая! Потерпи, сейчас всё пройдёт! Я схожу к фрау Штольц и испрошу разрешения передохнуть тебе здесь на скамеечке...

Маняша хотела ещё что-то сказать подруге, но не успела. Двери классной комнаты распахнулись. В её проёме объявилась сама фрау Штольц.

– В чём дело? – загрохотал её голос в пустоте коридора.

Марина увидела воспитательницу, встала через силу, сделала навстречу ей три маленьких шажка и грохнулась на паркет в глубокий обморок...

Пришла Марина в сознание, лёжа в отдельной комнате лазарета для труднобольных...

...Прошло около двух месяцев. Марину после операции перенесли в лазарет. Она ослабела. Не могла сидеть в постели.

Доктора, как на грех, одни мужчины. При ежедневных перевязках обнажали Маринину грудь, осматривали и ощупывали её бесстыдными толстыми волосатыми пальцами, не забывая спрашивать:

– Тут больно..., а тут..., а здесь...

По институтским понятиям, которые вдалбливали в головы девушек с девяти лет ежедневно, Марина подвергала себя позору и заставляла краснеть за неё выпускной класс.

Позднее, когда Марине стало значительно лучше, профессор, делавший ей операцию, спросил:

– Марина, почему вы сразу после падения с лестницы не обратились в лазарет?

Девушка молчала. Профессор вынужден был несколько раз повторить вопрос. Наконец Марина ответила:

– Просто так...

– Немыслимо! – возмутился профессор. – Невероятно! Вы без серьёзной причины решились выносить ужасные страдания! Почему?

Марина продолжала молчать.

– Я вам скажу за неё, профессор.... – вмешался доктор лазарета. – Я ведь знаю все их секреты! Хотя никто не со-

общил мне, но я не сомневаюсь в том, что её подруги и она сама, считают позором обнажить грудь перед доктором. Вот милые сокурсницы и уговаривали её не ходить в лазарет самой, не позориться и не покрывать позором весь их класс.

Профессор покачал головой.

— Однако этот институт зловерное учреждение — и, обращаясь к Марине, добавил. — Понимаете ли вы, из-за вашей пошлой конфузливости и ложной стыдливости, вы стояли на краю могилы?

Заявление профессора жестоко возмутило Марину. Когда доктор, проводив профессора, подошёл к ней, она со злостью сказала ему:

— Передайте вашему профессору, несмотря на его гениальность, он всё-таки тупица. Не понимает простой вещи — всякая порядочная девушка на моём месте поступила точно так же, как и я...

Результат падения Марины Бирюковой-Унгерт с институтской лестницы, имел последствия: тяжёлые, плохие и лёгкие.

Лёгкие последствия: за время болезни она серьёзно отстала от одноклассниц в учёбе, и начальница института Юлия Фёдоровна Адлерберг перевела Марину в класс неуспевающих. Аттестат по выпуску могли и не выдать. Как правило,

на такие крайние меры попечительский совет Смольного не шёл. Аттестат вручали всем выпускницам. Однако рассчитывать на должность фрейлины при дворе Его Императорского Величества не приходилось. Замужество не светило. Будущее есть, но очень туманное.... Может быть удастся получить должность домашней учительницы в Медвежьем Углу у Кикиморы Болотной.

Плохие последствия случились для здоровья. Захватанная мужскими, неважно докторскими или извозчичьими пальцами грудь, поначалу давала о себе знать ноющими, отдающими куда-то в подмышку, болями. Изредка появлялся кашель, но всё это мало беспокоило девушку. Она страдала от тяжких последствий своего падения.

Десятилетнее строительство духовных, моральных ценностей завершилось в душе Марины, в её собственном сознании, в глазах всего выпускного класса полным крахом, крушением и низвержением в пучину разврата и непотребств.

Вынужденное, ежедневное обнажение девичьей груди на перевязках перед мужскими любопытными глазами, постоянное её прощупывание, покрыло несмываемым позором и Марину, и весь выпускной класс.

Институтка Бирюкова-Унгерт чувствовала себя моральным уродом, падшей девушкой, отщепенкой. Не помогали слова утешения ни Маняши, ни фрау Штольц, ни начальницы Юлии Фёдоровны. Девушка в своих страданиях ушла в себя, отгородилась от товарок стеной неразговорчивости.

Воспитанницы, по мере возможности, избегали общения с «позорницей» Бирюковой. Они свято верили, что этим поддерживают чистоту своих нравов и высоту собственных моральных принципов.

Каждый прожитый день в стенах Смольного ложился тяжким грузом на девичьи плечи. Ни бессонные ночи, проведённые в покаянных молитвах, ни ночные слёзы, не приносили облегчения. Юная душа измучалась в бесплодных терзаниях, и Марина Бирюкова-Унгерт решилась на совершение последнего смертного греха – самоубийство...

Выбрала способ, место, время лишения себя жизни. Верёвку скрадёт у истопника. Он перетаскивает вязанки дров. Сразу после бала «Шерочка с машерочкой»⁴ привяжет её ночью в моечной к балке...

После тяжёлого решения на шаг отчаяния Марине стало вдруг легче. Наконец-то она увидела конец своим мучениям и другими глазами посмотрела на окружающий её мир. Она, стоящая одной ногой в мире предков, не осуждала своих подруг, не проклинала себя за позор, а увидела мелочность и тщету бытия перед вечностью.

Это открытие поразило Марину и вернуло ей былую уравновешенность и спокойствие.

⁴ Шерочка с машерочкой – бал в Смольном без кавалеров

Вскоре мадам Штольц объявила – вместо бала «Шерочка с машерочкой» будет настоящий бал, с приглашёнными кавалерами. Это известие оставило её равнодушной. «Какая разница?» – подумала Марина. – «Всё равно после бала я иду в моечную и повешусь!».

Бал самое выдающееся событие в годовом круге институтской жизни. На балу, кроме приглашённых музыкантов, воспитатели, преподаватели, воспитанницы старших классов и гости: кадеты, юнкера, представители местной знати...

В актовом зале светло и нарядно. Откуда-то сверху льются приглушённые звуки духового оркестра. Где сидят музыканты не видно. Кажется, будто не они играют, а звучат высокие белые колонны, гудят стены зала...

Под звуки полонеза открылись большие двери и в зал грациозно входят девушки во всём белом – будто лебеди! – с гладко причёсанными головками, в платьях в пол, скрывающих движения ног. Казалось, девушки плывут по зеркальному полу, как по воде. «Белые лебеди» становятся напротив кадетов и юнкеров, выстроившихся у стен. Начинается вальс.

Марина Бирюкова-Унгерт от обилия молодых мужчин не знала, куда себя деть. Чувство стеснения толкало её к бегству с великолепного бала, но ноги от страха одеревенели и намертво приклеились к полу.

Ситуация стала ужасной. К ней подошёл высокий красавец кадетик в чёрном мундире, подпоясанный широким ремнём с бляхой на животе. Склоняет перед Мариной голову, шаркает ножкой:

– Мадмуазель Бирюкова-Унгерт?

– Да – прошептала еле слышно Марина. Сердце девушки замерло от страха и..., невесть откуда, свалившегося на неё чувства приближающегося счастья.

– Позвольте пригласить Вас на танец.

Голос корнетика обрёл для Марины ангельскую красоту и доносился откуда-то с небес, где живут счастливые люди. «Но, я..., опозорена...» – хотела сказать корнетика Марина и ...промолчала. «Какое ему, красавчику, дело до падшей девушки! Станцую я свой последний в жизни танец!» – подумала Марина, и, едва не потеряв сознание от нахлынувших чувств, положила руку на плечо офицеру.

– Грехов. Виталий Грехов – представился он, осторожно прикоснулся к её талии и посмотрел в голубые глаза Марины.

Бедная душа девушки вмиг оледенела. «Сейчас он поймёт, что я позор всего Смольного института» – мелькнула страшная мысль у Марины. – «Поймёт и бросит меня, не начав танца». Но корнетик, вместо решительного афронта, ласково улыбнулся и замечательно ловко повёл Марину в па-де-карте. Волшебство музыки обоих понесло и закружило. Сразу после па-де-карта они станцевали вальс, потом мазур-

ку, польку-бабочку. Менять партнёршу Грехов и не думал, а Марина всё чаще стала перехватывать обращённые на них завистливые взгляды сокурсниц и подруг.

Только Маняша искренне радовалась за внезапное превращение Марины из озлобленной на весь белый свет буки, в счастливую девушку, украшенную прежней красотой и румянцем...

Прозвучал последний аккорд бала. Зал наполнился нестройным гулом. Грехов поклонился Марине и, всё ещё нежно держа её за руку, несмело спросил:

– Можно я вам напишу?

Сердце девушки забилося, как пойманная в руке птаха. Она не успела обдумать деликатный отказ. Не могла же она сказать мол, так и так, меня ждут-дожидаются в моечной крепкая верёвка и кусок мыла. Ответ она ещё обдумывала, а губы уже прошелестели:

– Конечно. Я буду очень ждать.

На том и расстались.

На третий день после бала помощница кастелянши Прасковья Филипповна затащила Марину в свою кладовую.

– Ты, что ль будешь Бирюкова-Унгерт? – спросила она, подозрительно оглядывая девушку с ног до головы.

– Я

– Ой, я сумлеваюсь. Все тебя Бирюковой кличут, а про

Унгерт не слышала. Хотя тутa второй годoк дoрабaтывaю.

– Вы не сомневайтесь. Спросите у фрaу Штoльц. «Унгерт» – это фамилия папеньки. Он внучатый племянник барона фон Унгерта, банкира в Амстердаме.

– А-а... – протянула Пpасковья Филипповна. – Тoгда..., конечно.... Значитца, ты натурально Бирюкова-Унгерт?

– Ну, да! А вам-то, кaкaя рaзница? Бирюкова я или ещё и Унгерт?

– Мне-то, всё едино. Ты хоть, вoбче, без фамилиев будь.... Вон в деревне-то, бабы живут без фамилиев и не хворают, а у тебя их две. Страсть господня!

– Вы меня, зaчем звали? Если дела нет, то я пошла. Мне недосуг пустые разговоры разговаривать.

Пpасковья Филипповна обиженно поджала тонкие губы.

– Ну, так и иди.... Как досуг будет, то загляни ко мне. Может, я и на месте буду...

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем я буду к вам заглядывать?

– Как это зачем? Здоpовья пожелать и письмоце получить.

Первый раз в жизни Марине захотелось убить человека. Она, как манны небесной ждёт письма от Грехова, а эта несносная деревенская дура, своими вопросами тянет kota за хвост. Убить, её мало.

– Вы мне письмо хотели передать?

– Знамо дело. Письмецо от офицерики. Ужась, как упрашивал, и за услужение рубликом одарил.

– Где письмо? – тихо спросила Марина, уже боясь за себя. Не ровен час действительно убьёт помощницу кастелянши.

– Где-где? Вестимо, у меня. – Ответила Прасковья Филипповна, продолжая перебирать белоснежные простыни.

– Что же вы мне его не даёте?

– Дык ищу.

– Что вы ищите?

– Дык письмоцо ваше ищу. Намедни, для пущего сохрану, кудыть-то в стопку белья сунула, а теперь ищу.

От нетерпения Марина начала мерить шагами тесную каморку бельевой.

– Вы долго ещё будете искать?

– Девонька! Ты хоть и с двойной фамилией, а обождать придётся. Скоро только дети делаются.

Углубляться в процесс делания деток «по-быстрому», на просторах Российской Империи, не пришлось. Письмо было найдено совершенно случайно в переднике Прасковьи Филипповны.

– Ой! – удивилась она. – Чевой-то я тогда сунула в бельё, если не письмоцо?

Марина трясущимися руками схватила письмо, как голодный – кусок хлеба. Сломала печать и попыталась его прочитать. Невесть откуда взявшиеся слёзы, заполнили вдруг глаза. Читать не было никакой возможности. Она видела лишь

строки красивого, каллиграфического почерка. Буквы, искажённые слезой, не желали складываться в слова, которые она жаждала увидеть.

Прасковья Филипповна, увидев слёзы девушки, засуеги-лась:

– Ты..., это..., погодь плакать-то. Али како горе приключилось?

С причитаниями сунула в руки Марины ситцевый платок.

– Ты, значит, сперва слёзки-то утри.... сопельки подбери. Опосля читать-то будешь. Может быть всё и обойдётся. Али кто помер?

Марина только махнула рукой на слова Прасковьи Филипповны, вытерла глаза платком, подошла поближе к окну, и полностью отдалась чтению желанного письма.

«Мадмуазель Марина!» – писал Грехов. – «С полным респектом и сердечным уважением, осмеливаюсь, с Вашего разрешения, отвлечь Ваше внимание от трудов Ваших по ва-нянию из себя перспективного человека, на мою серую лич-ность, страдающую от ран Амура. Вы своей красотой и бле-стящим умом разбили сердце солдата и пленили его душу. Таких, как я, у Ваших ног десятки, и думать о взаимности, не смею! Знаю – не достоин даже Вашего дивного взгляда, но жить подле Вас и не видеть Ваш волшебный образ выше моих человеческих сил! Потому, в конце недели подаю ра-

порт, о переводе меня на Кавказ, где в боях с абреками мечтаю сложить свою несчастную голову. Прощайте и простите меня за неимение такта и наглость в открытии поразивших меня сердечных мук. Живите счастливо много лет и знайте, где-то в мрачных теснинах Кавказа бьётся горячо любящее Вас сердце и ищет военный случай, дабы покончить счёты с жизнью.

К сему В. Грехов»

Глава вторая

Вы чувствовали себя, когда-либо, выблядком? Нет?!

Тогда Вам трудно представить всю глубину трагедии Виталия Игнатьевича Грехова. Виталий Игнатьевич по призванию аферист, по социальному статусу мещанин, а вот по жизни – «выблядок».

Опять не понятно? Упаси Боже! Я не приглашаю Вас прогуляться по необъятным просторам русского мата. Вы, что? Мы интеллигентные люди. Соблюдаем Великий Пост и, на всякий случай, не работаем в субботу.

Сквернословить, конечно, грех. Однако из песни слов не выкинешь. Тем более из официального государственного документа. Да, да! Господа! Внимательно прочтите статью 280 «Соборного уложения 1649 года» Государства Российского. Прочли? Вот и хорошо. Теперь и Вы знаете, что внебрачных детей в Государстве Российском нарекали официально «выблядками» и они были лишены всех наследственных прав. Простите, но мат тут, ни причём.

Пращуры наши не отличались супружеской верностью. Погуливали мужчины и налево, и направо, и вдоль, и поперёк.

В народе до сих пор поговаривают, мол, сучка не захочет, то и кобель не заскочит.

Это правильное наблюдение за явлением природы, но, с

другой стороны, как сенной девке отказать своему барину в скромном удовольствии?

Бабы в историческую эпоху сплошной неграмотности, тоже немало блудили и дурами уже не были. Посопротивлявшись в меру, для разогрева нервов, они с чувством исполненного долга перед Богом и людьми, отдавались на милость барским прихотям и пожеланиям.

От противоборства классовых различий, рождаются революции и дети. Последние чаще, и им приходится с трудом пробиваться к благам жизни.

Законнорожденные, с халявою наследства во рту, почивают на родительских лаврах без нужды борьбы за кусок хлеба и место под солнцем. От безделья тела их покрываются жиром, а души захлёбываются в лени.

Сколько выблядков на Руси, неизвестно. Господ много, а дворни ещё больше. Например, у князя Куракина от любви к своим холопкам народилось 70 детей. Если всех одаривать наследством, то и законным детям фиг с кукишем останется.

Теперь всех бояр умножьте на 70. Поделите национальные богатства России на полученную цифру. В итоге вы получите 1917 год со всей прелестью дальнейшей жизни.

История выблядков корнями уходит в седую старину античности:

Геракл, незаконнорожденный сын Зевса;

Леонардо да Винчи «левый» сын нотариуса Пьеро да Винчи;

князь «Владимир Красное Солнышко» сын рабыни;
Александр Иванович Герцен сын барина Яковлева и нем-
ки Генриетты Гаак;

композитора и химика Бородина дворовая девка Авдотья
родила от князя Луки Степановича Гедианова;

пленная турчанка Сальха от надворного советника А. И.
Бунина понесла будущего поэта России Василия Андреевича
Жуковского;

Иван Алексеевич Мусин-Пушкин внебрачный потомок
царского рода;

по словам князя Голицына, цесаревны Анна и Елизавета
«выблядки» Петра Великого;

местом интимных встреч дочери берейтора Марии Собо-
левской и графа Разумовского стало село «Перово», где и
зачалось первое поколение Перовских; (Софья Перовская
убийца Александра II)

великий князь Константин Павлович имел троих внебрач-
ных детей...

Всех не перечесать!

Разгул похоти и страсти накрыл и Богов Олимпа, и цар-
ствующих особ, и солдатских жён, страдающих от одиноче-
ства.

Пессимист в феномене «выблядков» видит упадок нрав-
ственности, разложение морали и семьи.

Оптимист утверждает – от межклассового скрещивания
укрепляется генетический код и порода российских людей.

В семье не без урода.

Род князей Голицыных особым количеством блаженных на всю головушку среди прочей знати Государства Российского не выделялся.

Напротив, урождённые Голицыны исправно служили на благо Царя и Отечества, как в лихолетье, так и в подковёрной борьбе за расположение миропомазанника России.

Известно – чёрт шутит, пока Бог спит.

Только супруга князева упустит мужа за пределы видимости, так бес сразу пихает высокородного мужчину под ребро и норовит подсунуть под его желание ладненькую молодую из крестьянок. Форменным образом, нагло толкает на нарушение супружеской верности.

Между нами, женщинами, говоря, какая дура откажется от неформальных отношений с князем? Вы бы лично отказались?

Не важно, что он старый, лысый и любит всё больше руками и с отдышкой. Зато у него жена древняя карга с больным сердцем.... Вдруг судьба с разбега толкнёт в спину и прямо мордой в счастье?!

А Вы, мужчина, не притворяйтесь, что принципиальный любитель, прямо фанат старой, жилистой говядины и от молодой, нежной, сочной телятины вас тошнит.

Вы прекрасно знаете – девушки играют с Вами в поддавки, чтобы быстрее попасть в дамки. Но место дам, как правило, занято. Тогда Вы предлагаете девушкам сыграть с судьбой в орлянку: если выпадет «орёл» Вы выиграли, если выпадет «решка», она проиграла. Игра занятная, но не безопасная. От неё происходит непорочное зачатие, и рождаются выблядки – дети, без вины виноватые, с печатью родительского греха.

Хорошо, если высокородному папашке понравится его незаконнорожденное чадо, и он примет участие в его воспитании и образовании. Так появились Пржевальский, Чуковский, Семён Великий (сын Павла I), Алексей (сын Екатерины) от Гришки Орлова и много других. В основном ссущие создания – артефакты неземной любви барина и холопки – пристраивались в деревни, где из них растили бесплатных работников и солдат Российской Державы.

Виталию Игнатьевичу Грехову крупно повезло. После рождения в подклети барского дома Голицыных он не познал радости крестьянского труда на дармовщинку, не стал ветераном ратного солдатского подвига в ранге нижнего чина в течение 25 лет. Ключница Фёкла пристроила мальчика в многодетную мещанскую семью Греховых девятым ребёнком.

За мешок обдирной муки, дюжину пелёнок и 15 рублей

серебром, выблядок князя Голицына и дворовой девки Миланьи был принят в семью Греховых и крещён в церкви Николая Угодника. Ему дали имя Виталий и записали за мещанином Игнатом Греховым.

Жизнь Витюши Грехова поплелась протоптанным путём из материнского лона на погост, под девизом: «Невозможно дать всем всё, ибо всех много, а всего мало» Особенно, если вы в многодетной семье, в качестве младшего ребёнка.

Вы пробовали донашивать портки, которые до вас тщательно протирали по очереди восемь костлявых задниц? Там даже заплатки забыли запах родной ткани и съёживались от ужаса при одном виде очередной задницы. Их не стирали из-за боязни развала на отдельные заплатки и невозможности обратной сборки в первоначальный вид.

Сами понимаете, господа хорошие, мешок муки семейство Греховых пожрало быстрее, чем закончились серебряные монетки.

Деньги, вырученные за Витюшку, глава семьи Игнат Грехов расходовал сам лично и скупое. Дороговизна стояла страшная. Водка «Красноголовка» в 0,6 литра стоила аж 40 копеек. «Белоголовка» двойной очистки, вообще, 60 копеек. Уму непостижимо!

Игнат Грехов не был любителем выпить. Он считал себя профессионалом и в тяжкие любительские запои не пускался. Блюл интересы семьи и детей. Брал на банный день и каждый церковный праздник себе «мерзавчик» за 6 копеек, или

забежит в другой раз в кабаk, дёрнуть с уstatку за компанию рюмашку в 50–60 граммов водочки за 5 копеек и закусить огурчиком за 1 копейчку.

Если пить немного, но каждый день, то у печени начинают отрастать руки, чтобы задушить глотку.

Так это или иначе, но как-то поутру Игнат Грехов перепугал всех домашних своим наружным видом. Он резко пожелтел лицом и телом до цвета осеннего листа. Решил полечить кровь «белоголовкой» двойной очистки. Принимал оную, помолившись перед образом Николая Чудотворца, трижды в день, добавляя на стакан водки 6 капель святой воды. Толи с дозой не угадал, толи закусь подвела, толи святой глуховат, оказался, но через 20 дней Игнат Грехов без покаяния ночью отдал Богу душу.

Поплакали, похоронили и забыли.

Супруга Игната, Грехова Серафима, не выдержала свалившегося на её плечи счастья заботы о 9 детях в одиночку, и через год тихо убралась за мужем на погост.

Дети остались сиротами. Восемь родных братьев и один приبلудный, Витька – выблядок.

Особой дружбы между братьями отродясь не водилось. Что вы хотите? Дети выросли в постоянной нужде и в борьбе за кусок хлеба для утоления вечного чувства голода. Дети непосредственны и жестоки.

Витюша Грехов с младых ногтей уяснил – сильный кушает вкусного. От того и не удивился, когда братья выгнали его

на улицу христарадничать.

С пустым кошельком в чужом кармане делать нечего.

Фёкла ключница с двоюродной племянницей Миланьей и дворовыми бабами Голицыных выходили из церковного при-
твора в междурядье приходских нищих.

Малиновый пасхальный перезвон церквей лился над кры-
шами домов, переплетался причудливыми аккордами и воз-
носился в необъятную синь, прямо к чертогам Отца, Сына
и Духа Святого.

На душе празднично и благолепно, будто ангелочки босы-
ми ножками прямо по сердцу протопали.

Фёкла и Миланья, улыбаясь, шли между нищими и кале-
ками, густо усыпавшими паперть, и от всего сердца, во имя
Отца Всемогущего и Сына его Иисуса, раздавали лёгкой ру-
кой милостыню. Кому копеечку, кому ватрушку, кому кра-
шенку⁵, кому писанку.⁶

Одарённые подаванием, истово молились, метали поясные
поклоны. Уверяли, мол, до конца жизни будут молиться, и
ставить свечи за здоровье матушки Фёклы и девицы Миланьи.
Через мгновение, забыв о Фёкле с Миланьей, они принима-
ли пасхальное подавание от других, уверяя и их о своём за-

⁵ крашека – пасхальное яйцо, раскрашенное цветными нитками

⁶ писанка – пасхальное яйцо, раскрашенное вручную

ступничестве перед Богом.

Ключница с племянницей вышли за ограду церкви. Обернулись разом к ней, чтобы последний раз перекреститься на намолённое место. Положили на себя троекратные знамения и случайно увидели нищего мальчонку, прижавшегося худой спиной к гранитному столбу калитки. Дранный зипунишко, едва скрывал худое тельце ребёнка. На грязной цыплячьей шее чудом держалась неожиданно большая голова с измождённым лицом и большими глазами, сверкающими голодным блеском. В разорванном ворота у пацанёнка, вместо креста, виднелось коричневое овальное родимое пятно размером со сливу. Мальчишка не крестился, не славил Бога, ни прихожан, не испрашивал милостыню. Нищие христобивцы прогнали его, как конкурента, с паперти. Шанс заполнить подавание у пацана упал до нуля.

Мальчонка находился на грани голодного обморока. Он протянул к Фёкле с Миланьей тощие ручонки и тихо сказал:
– Тётеньки... я исть хочу... немоготу уж...

Женщины остолбенели, но не от вида голодного ребёнка. Их испокон века на Руси не перечесть – всех не накормишь. Баб поразил вид родимого пятна на груди юного побирушки.

– Тебя как звать-то? – спросила Фёкла и сунула в руки пацана две оставшиеся ватрушки и пяток крашеных яиц. Малец первым делом впился ровными белыми зубами в ароматную плоть ватрушки. С набитым ртом ответил:

– ...и-ть-ка!

Миланья спохватилась:

– Не поняла. Как? Витька, что ль?

– Ага.... – промычал попрошайка.

– А фамилия как? – полюбопытствовала Фёкла.

– А на что тебе моё фамилие? – насторожился пацан. На всякий случай перестал жевать и приготовился бежать.

– Я, тётеньки, не виноват, – продолжил он. – Это Колян-Ломонос скрал. Он страсть, как на меня сшибает. Я не крал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.